

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.36>

Иванова Ирина Борисовна

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ
СОВОКУПНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ**

В данной статье новым аспектом изучения является попытка раскрытия семантической мотивированности функциональных свойств собирательных существительных якутского языка, что, несомненно, представляет большой интерес для исследования языка в функционально-семантическом аспекте. Пласт лексики, который выражает количественное понятие собирательности в якутском языке, был разделен на три основные лексико-семантические группы: собирательные существительные, обозначающие множество лиц и предметов как одно неделимое целое; существительные с собирательным значением, использующиеся для счета дискретных предметов; собирательные вещественные существительные, использующиеся для обозначения определенного веса и размера недискретных предметов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/5/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 169-172. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, можно констатировать, что в адыгских языках имеется широкий спектр долженствовательных конструкций, весьма интересных, довольно сложных и требующих специального рассмотрения.

Список источников

1. **Абитов В. К.** Несостоявшаяся свадьба / на черкесском языке. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1991. 264 с.
2. **Абитов В. К.** Тайна Индыла / на черкесском языке. Черкесск: Лъахэ, 2005. 282 с.
3. **Дзуганова Р. Х.** Суффиксальные глаголы в кабардино-черкесском языке. Нальчик: КБНЦ РАН, 2002. 115 с.
4. **Каширгов Х. Х.** Ореол / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1976. 378 с.
5. **Керашев Т. М.** Одинокий всадник / на адыгейском языке. Нальчик: Эльбрус, 1989. 432 с.
6. **Кешоков А. П.** Чудесное мгновение: в 6-ти т. / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 2005. Т. 2. 488 с.
7. **Кумахов М. А., Вамлинг К.** Дополнительные конструкции в кабардинском языке. Sweden, Lund: Department of Linguistics; Lund University, 1998. 346 с.
8. **Мафедзев С. Х.** Медвежьи когти / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1998. 543 с.
9. **Налоев З. М.** Избранное: в 3-х т. / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 2014. Т. 1. Новеллы. 464 с.
10. **Нарты. Адыгский героический эпос:** в 2-х т. / на кабардинском языке. Нальчик: Тетраграф, 2012. Т. 1. 423 с.
11. **Рогава Г. В., Керашева З. И.** Грамматика адыгейского языка. Краснодар – Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, 1966. 462 с.
12. **Сто рассказов о Ходже** / сост. А. М. Махов, З. П. Кардангушев; на кабардинском языке. Майкоп: Адыгея, 1994. 131 с.
13. **Тлюстен Ю.** Ожбанокеры / на адыгейском языке. Майкоп: Адыгейское кн. изд-во, 1962. 380 с.
14. **Хапсироков Х. Х.** Гучо / на черкесском языке. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд. Ставропольского кн. изд-ва, 1980. 262 с.
15. **Шогенцуков А. О.** Назову твоим именем / на кабардинском языке. Нальчик: Эльбрус, 1973. 304 с.

SUFFIXAL MEANS TO FORM OBLIGATION CONSTRUCTIONS IN THE ADYGHE LANGUAGES

Dzuganova Rita Khabalovna, Doctor in Philology

Institute for the Humanities Research –

Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Nalchik

dzug.rita@yandex.ru

The article for the first time examines the Adyghe obligation constructions, which are formed by means of suffixes. These are constructions containing word-formative models with the verbal suffix *-лхэ*. After analysing factual material the author identifies different forms of obligation depending on the lexical content of the basic predicate with the mentioned suffix, in particular, obligation, necessity, desirability, certainty, readiness, etc. The paper reveals morphological peculiarities of such constructions and determines prospects for further study of the problem.

Key words and phrases: obligation constructions; predicate; verbal suffix; pre-verbs; Adyghe languages.

УДК 811.512.157

Дата поступления рукописи: 29.03.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.36>

В данной статье новым аспектом изучения является попытка раскрытия семантической мотивированности функциональных свойств собирательных существительных якутского языка, что, несомненно, представляет большой интерес для исследования языка в функционально-семантическом аспекте. Пласт лексики, который выражает количественное понятие собирательности в якутском языке, был разделен на три основные лексико-семантические группы: собирательные существительные, обозначающие множество лиц и предметов как одно неделимое целое; существительные с собирательным значением, используемые для счета дискретных предметов; собирательные вещественные существительные, используемые для обозначения определенного веса и размера недискретных предметов.

Ключевые слова и фразы: якутский язык; лексика; функциональная грамматика; функционально-семантическая категория; имя; количественность; собирательность; совокупность.

Иванова Ирина Борисовна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера

Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск

itenaotglagola@rambler.ru

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ
ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОВОКУПНОСТИ
В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Введение

В изучении языков в настоящее время функционально-семантический подход является **актуальным** и необходимым направлением, которое способствует более системному восприятию языковых явлений [15]. В связи

с этим в якутском языкознании для комплексного изучения функционально-семантической категории количественности необходимо уточнить вопросы, связанные с лексическим значением имен существительных. **Целью** данного исследования является изучение лексико-семантических групп собирательных существительных якутского языка. Для этого были выдвинуты следующие **задачи**: охватить всю лексику, представленную собирательными существительными, распределить их на лексико-семантические группы по лексическим значениям, также определить их функциональные особенности. **Научная новизна** исследования заключается в том, что в статье впервые рассмотрены лексико-семантические особенности имен существительных со значением совокупности в якутском языке в функционально-семантическом аспекте. Полученные результаты будут использованы при составлении функциональной грамматики якутского языка. Лексический материал исследования с переводами на русский язык получен путем сплошной выборки из «Толкового словаря якутского языка» [8-13] и «Словаря якутского языка» Э. К. Пекарского [7].

План содержания функционально-семантической категории дискретной количественности состоит из трех количественных явлений – это единичность/множественность/собирательность. Микрополе собирательности состоит, прежде всего, из понятий о целостности и совокупности множества дискретных предметов. В качестве объектов исследования были выдвинуты центральные лексические средства – имена существительные, слова, основной посыл которых – продемонстрировать понятие целостной множественности, обилия предметов и т.д. [5]. Собирательность воспринимается как количественность, выражаемая не числами, а лексическими единицами [2, с. 74], т.е. собирательными существительными, грамматическое выражение которых заключается в отсутствии аффиксов множественного числа, иногда в неспособности сочетаться с количественными числительными (за неимением необходимости), также в сочетании с глаголом единственного числа.

Основная часть

Первая ЛСГ собирательных существительных представлена **именами, обозначающими множество лиц, предметов как одно неделимое целое**. Сюда входят лексемы, которые функционируют в речи абсолютно самостоятельно, без каких-либо вспомогательных спутников, т.к. значение собирательности является главным смыслом их лексической семантики:

а) слова со значением ‘множество лиц как одно целое’: *дьон* ‘люди, человечество’, *норуот* ‘народ’, *ыччат* ‘молодежь’. Их основное значение – множество лиц как одно целое. Для примера возьмем лексему *дьон*, которая имеет несколько значений собирательности: 1) люди; 2) родня, родственники; 3) люди, вместе проживающие, занятые общим делом.

Также *дьон* часто встречается в различных сложных именах и парных словах, обозначающих общее название множества лиц как одного целого. Например, лексема *дьон* ‘люди’ [9, с. 154] в сочетании с различными адъективами *аймах* ‘родственный’, *айыы* ‘святой’, *атах-бытах* ‘слабый, немощный’, *бар* ‘весь’, *дьадагы* ‘нищие’, *олохтоох* ‘коренные’, *кыра-хара* ‘простые’ и т.д. обозначает разные собирательные значения [4, с. 69].

Существительные *норуот* и *ыччат* имеют меньше значений, они более конкретные: *норуот* ‘население государства, страны, народ; люди, группа людей’; *ыччат* ‘молодое поколение, молодежь’.

Несмотря на то, что в эту категорию собирательных существительных входит мало лексем (*дьон* ‘люди, человечество, народ’, *норуот* ‘народ’, *ыччат* ‘молодежь’), за счет сложных существительных в сочетании с частицами *аймах*, *сэргэ* или парных существительных их функциональность обогащается;

б) существительные, обозначающие общее название категории, к которой предмет относится: *танас* ‘одежда’, *иһит* ‘посуда’, *ас* ‘еда’, *миэбэл* ‘мебель’ и др. Понятие множества предметов как одного целого можно выразить и посредством парных существительных, которые как средства выражения множественности в якутском языке были выделены Г. А. Никифоровым [6]. Парные слова давно известны в тюркских языках как самые ‘архаичные» [14, с. 184-210] и продуктивные средства выражения значения собирательности. Они относятся к продуктам аналитического словообразования – словосложения. Парные слова характеризуются тем, что исходные основы равноправно включены в сложную связь; исходные основы находятся в общем семантическом поле, сложная основа в одних случаях имеет более отвлеченное значение, в других – большую собирательность [Там же, с. 184]. Также различие парных слов можно раскрыть в связи с соотношением формы и значения единственного и множественного чисел: *оҕо* ‘ребенок’ – *оҕолор* ‘дети’ – *оҕо-аймах* ‘детвора’. Например, парные слова *оҕо-аймах* ‘детвора’, *баай-дуол* ‘богатство’, *киһи-сүөһү* ‘живность’, *мал-сал* ‘вещи’, *уөн-көйүүр* ‘насекомые’, *кыыл-сүөл* ‘животные’ и т.д. В данном случае наглядно видно, как через форму единственного числа передается понятие множественного числа, а точнее собирательного количества.

Вторая ЛСГ состоит из **названий объединений, сообществ, скоплений дискретных (одушевленных и неодушевленных) предметов**, т.е. речь идет о лексемах, обозначающих не самих субъектов, а вид их скопления.

Среди них слова, обозначающие совокупность одушевленных предметов, связанных по крови: *аймах* ‘родня’, *ыал* ‘семья’, *дьиэ кэргэн* ‘семья’, *тыһынна* ‘большая семья; члены большой семьи’, *биис* ‘племя’, *уус* ‘род’ и т.д. – или социальным явлениям (*бөлөх* ‘небольшая кучка’, *түмсүү* ‘сообщество’, *холбоһук* ‘сообщество’), также скопление животных (*үөр* ‘стадо’, *ыстаада* ‘стадо’, *үрүн сүүрүк*, *хара сүүрүк* ‘бесчисленное количество скота’ [1, с. 644; 3, с. 56-57]). В якутском языке есть слово *түмэн* (*Ил түмэн*) от глагола *түмп*, *түмүлүн* ‘соединять, воссоединяться’, которое обозначает бесконечно большое число, множество чего-, кого-либо (обычно людей).

В группу слов, обозначающих совокупность одушевленных предметов, входят слова, заимствованные из русского языка, которые в разговорной речи (и то в переносном значении) обозначают совокупность людей или животных: *хамаанда* ‘команда’, *хампаанна* ‘компания’, *баанда* ‘банда’, *баартыйа* ‘партия’, *аармыйа* ‘армия’ и др. Например, *аармыйа* ‘скопление большого количества чем-л. объединенных людей’. Заимствованное имя *баартыйа* также в разговорной речи может иметь значение ‘большое количество товаров; значительное количество предметов, товара’: *Бастакы баартыйаны Дьокуускайга ыыттылар.* / В Якутск отправили первую партию.

Архаизм *тыынньа* обозначает понятие ‘многочисленные иждивенцы’, или ‘большая семья’. *Ярмолаттан аккаастанар туһунан санаталаан барбытым... Ону, кини тыынньата олус элбэзэ бэрдиттэн, аһынан сьлдьбытым.* А. Куприн (*тылб.*). ‘Я стал задумываться о том, что не отказаться ли от Ярмолы, но мне жалко было его большую семью’ [12].

Большое скопление чаще всего мелких вещей, их множественность выражается при помощи лексемы *хайа* ‘гора’, которая используется в качестве компонента именного словосочетания, образованного при помощи примыкания или аффикса принадлежности. В якутском языке лексема *хайа* не имеет значения количественности, обозначает только ‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью, гора’. Значение *хайа* ‘груда мелких вещей; большое количество предметов, нагроможденных, сложенных, сваленных в кучу’ встречается только в разговорной речи, как прямое калькирование из русского языка: *хайа сурук* ‘гора писем’ и др.

На совокупность мелких животных, насекомых тварей указывают слова *бөлүөх* ‘плотное скопление рыбы’, *хараам* ‘стая летающих насекомых’. Они в основном используются в форме притяжательного словосочетания с аффиксом принадлежности 3 лица единственного числа.

Существительное *уус* относится и к людям, и к животным, имеет лексические значения: 1) кровные родственники, люди из одного рода: *аба ууһа* ‘род; большая семья; основная единица якутского самоуправления’, *ийэ ууһа* ‘материнский род’, *кун ууһа* ‘весь народ, все племя якутов’; 2) вид, род животных и растений. *Хаас ууһа* ‘род гусиных’. *Сэлиһинэй тусна ууһа* ‘отдельный вид пшеничных’ [13, с. 383].

Наименования объединений людей могут переноситься на скопления животных, и наоборот, существительные, указывающие на группы животных, могут указывать на коллективы людей, моделируя при этом характерные свойства исходной совокупности. Например, существительное *уөр* обозначает ‘стая, стадо птиц, животных, насекомых одного вида: стадо, стая, табун, косяк’: *кус уөрэ* ‘стая уток’, *уөр сылгы* ‘стадо лошадей’. А в переносном значении используется как ‘вражеская банда, орда, свора’: *Фашист уөрэ* ‘свора фашистов’.

Начиная с лексемы *уөр* ‘стадо’, отдельно выделим подгруппу лексики якутского языка, которая используется при счете домашнего скота, а именно коров, лошадей, оленей. Это *ыстаада* ‘стадо’, *мөрөй* (*мөрүөн*) ‘куча, толпа, стадо’, *мөнүрук* ‘стадо’, *мэйишлэ* ‘огромное стадо’, также *урун суурук*, *хара суурук* ‘бесчисленное количество скота; табун’ [1, с. 644; 3, с. 56-57].

Архаизм *мөрөй* (ср. *мөрүөн*) со значением ‘куча, толпа’ относится и к людям, и к животным, зафиксирован в словаре Пекарского, в «Толковом словаре якутского языка»: *мөрүөнү мөрүөрдэр* ‘соединяющий в одно общество’ [7, слб. 1613]. В отношении животных в якутском языке использовались архаизмы *мөнүрук* ‘стадо рогатого или конного скота’ и *мэйишлэ* ‘огромное стадо диких оленей’. *Аччыгый мөнүрук* – малое стадо рогатого или конного скота (*до тридцати голов*); *орто мөнүрук* – до 50 голов; *улахан мөнүрук* – до ста голов [10, с. 158].

Вышеперечисленные лексемы в речи могут использоваться самостоятельно, но в основном встречаются в качестве компонента притяжательного словосочетания: существительное ед. ч. + существительное ед. ч. 3 л. Примечательно, что зафиксированы архаизмы, которые в настоящее время не используются.

К третьей выделяемой нами ЛСГ относятся **существительные, обозначающие скопления недискретных предметов**. К ней относятся слова, обозначающие размер, внешний вид недискретных предметов как некую совокупность. В лексических толкованиях названий, обозначающих совокупность мелких вещей (мусор, ключи, заколки, листья, сено, снег, земля и др.), количественное значение является основным ядерным – ‘груда, куча, гора, ворох, лавина, глыба чего-л.; множество мелких вещей, собранных в небольшую груду’.

Например, лексемы *чохчо*, *мөһкө* и *чөмөх* обозначают аккуратную, с четкими очертаниями кучку, груду – ‘небольшая груда мелких вещей’.

Отдельно отмечаем среди слов, обозначающих аккуратные, четкого очертания кучи, слова со значением ‘скопление сена’: *букул* ‘копна; сложенное в кучу в форме конуса сено’; *боскуйа* ‘стог сена по старой системе измерения: менее 6 сажень в окружности’; *лэкээ* ‘небольшая копна’.

А следующие лексемы обозначают хаотичную, беспорядочную кучу (неважно, какого размера) из мелких вещей, мусора, хлама, снега и т.д.: *оргул* ‘кучка мелких вещей’; *күөдэл* ‘ворох, куча тряпья, мусора, хлам’; *күөрэл* ‘груда обломков, развалины; хаотичное нагромождение чего-либо друг на друга’; *күрдүк* ‘куча чего-либо (снега, всякого мусора, отбросов)’, *өрөһө* ‘куча чего-либо’.

Семантикой устрашающей огромной, хаотичной, сильной глыбы из чего-либо, непонятного предмета обладают лексемы: *бөөччөх* ‘что-либо, сбившееся в клубок’; *лыгыыр* ‘сильная скученность, большое скопление кого-, чего-либо в одном месте (например, водоплавающих птиц)’; *барча* ‘что-либо сбившееся грудой, в кучу (например, о льдинах при ледоходе)’; *халбаһа* ‘масса, поток, лавина, нагромождение кого-чего-л.’, *кэлимсэ* ‘глыба, сплошная, цельная масса чего-либо’. Лексема *муора* ‘море’, заимствованная из русского языка, как зафиксировано в «Толковом словаре якутского языка», имеет несколько значений, в том числе ‘обилие, изобилие’ [Там же, с. 359].

Для обозначения связки тонких мелких предметов, помещающихся в ладонь, таких как лучинки, цветы, травы, палочки, используются лексемы *тутум* ‘охапка’ от глагола *тут* ‘держат в руке’, *удьурба* ‘связка однородных предметов, пучок, пучок (напр., лучинок)’, *дьөрбө* ‘букет’, *баайыы* ‘связка’. Например: *Биир удьурба чыыттаан* ‘связка лучинок’.

Лексема *ситим* ‘связка, система’ со значением ‘связь’ иногда используется как ‘совокупность предметов, которые находятся в этой самой связи’, другими словами, ‘цепь, вереница каких-либо взаимосвязанных элементов, являющихся продолжением друг друга; система организаций, однородных по своим задачам, или учреждений, организационно объединенных в одно целое’ [11, с. 459-460], тем самым обозначая скопление чего-либо. Например: *Бибилэтиэкэлэр ситимнэрэ* ‘система библиотек’.

Отметим, что в якутском языке существуют отыменные частицы в притяжательной форме в сочетании с различными существительными, обозначающие не только совокупность, но и обилие той самой совокупности предметов. К ним относятся *эгэлгэтэ, арааһа, ийтэ-аҕата, уйата* со значением 'обилие чего-либо; большое разнообразие чего-либо; место, облюбованное кем-, чем-либо'. Частицы *аймах, сэргэ* относятся только к людям, образуют значение собирательности только людей. Например, *аймах* как 'кровная родня, родня по крови; родственные отношения; родня по свойству': *халын аймах* 'большая семья', *ыраабынан аймаҕым* 'дальний родственник' [8, с. 52]. Но функционально-семантическое понятие собирательности проявляется там, где она служит в роли отыменной частицы *аймах*, т.е. когда образует имена с собирательным значением, сочетаясь с существительными при помощи примыкания (*кыыс аймах* 'армия девушек', *студент аймах* 'студенчество', *оҕо аймах* 'детвора'), несет в себе функции суффиксов *-й-*, *-от* (а), *-ств-*: *дьахтар аймах* 'бабье', *дьадаҕы аймах* 'беднота' и др.

Заключение

Таким образом, выявлено, что функционально-семантическое понятие совокупности в якутском языке призвано обозначать конкретную множественность через единичность. Она не имеет четких рамок, грамматических признаков множественности, скорее всего, имея формы единственного числа, обозначает множественность.

Данный пласт лексики был разделен на три основные лексико-семантические группы:

- а) собирательные существительные, обозначающие множество предметов или лиц как одно неделимое целое;
- б) существительные с собирательным значением, использующиеся для обозначения и счета дискретных предметов;
- в) собирательные существительные, использующиеся для обозначения определенного веса и размера недискретных предметов.

Если первая группа слов просто называет множество предметов и лиц как единое целое, то слова второй и третьей групп используются для счета дискретных предметов и измерения недискретных предметов, т.е. могут служить как нумеративные слова.

Существуют слова, у которых количественное значение является ядерным, первичным, они составляют большинство собирательных существительных. Есть слова, у которых количественное значение является метафорическим, переносным. При этом имя может быть без отдельной маркировки, или же имя может использоваться с частицами, числительными, прилагательными, в виде парных слов или притяжательных словосочетаний.

Список источников

1. Бетлингк О. Н. О языке якутов. Новосибирск: Наука, 1989. 645 с.
2. Живокينا М. А. Эволюция категории собирательности (на материале собирательных существительных английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64). Ч. 1. С. 73-76.
3. Иванов С. А. Общеякутские и диалектные названия, относящиеся к скотоводству // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 56-65.
4. Иванова И. Б. Лексические средства выражения функционально-семантической категории количественности в якутском языке: имена существительные со значением единичности и собирательности // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2 (23). С. 66-71.
5. Майзина А. Н. Система нумеративов в алтайском языке // Российская тюркология. 2018. № 1-2 (18-19). С. 42-66.
6. Никифоров Г. А. Категория множественности в якутском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1952. 18 с.
7. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. М., 1959. Т. II. Вып. 5-9. 2058 стлб.
8. Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2004. Т. I. Буква А. 680 с.
9. Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2006. Т. III. Буквы Г, Д, Дь, И. 844 с.
10. Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2009. Т. VI. Буквы Л, М, Н. 519 с.
11. Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2011. Т. VIII. Буква С. 572 с.
12. Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2014. Т. XI. Буква Т. 572 с.
13. Толковый словарь якутского языка: в 15-ти т. Новосибирск: Наука, 2015. Т. XII. Буквы У, Ү. 598 с.
14. Убрятова Е. И. Парные слова в якутском языке // Убрятова Е. И. Исследования по тюркским языкам: избранные труды. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. С. 184-210.
15. Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база / отв. ред. В. Д. Монастырев. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. 164 с.

LEXICO-SEMANTIC GROUPS OF NOUNS WITH THE MEANING OF GENERALIZATION IN THE YAKUT LANGUAGE

Ivanova Irina Borisovna, Ph. D. in Philology

The Institute for the Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk
imenaotglagola@rambler.ru

The originality of the study involves identifying semantic motivation of functional features of the Yakut collective nouns, which is surely of interest from the viewpoint of studying the language in the functional and semantic aspect. The lexical stratum expressing the quantitative concept of generalization in the Yakut language was divided into three basic lexico-semantic groups: collective nouns denoting the multitude of people and objects as the inseparable whole, nouns with the meaning of generalization used to count discrete objects and collective substantial nouns used to designate a certain weight and size of non-discrete objects.

Key words and phrases: Yakut language; vocabulary; functional grammar; functional-semantic category; name; quantitativity; integrity; totality.